

МАСТЕРА

Завтра Виктору Сергеевичу Розову исполнится 75 лет. Скоро и сорок лет с той поры, как его большие пьесы впервые появились на сцене. Розов давно стал частью нашей жизни, привычный и неожиданный, почему-то всегда современный и притом на редкость верный себе. Ему случилось опережать ход событий, как в 50-е годы, когда он стал одним из предвестников скорого обновления театра и жизни. Он был современен и в бурные 60-е, и в глухие 70-е годы, как современен теперь.

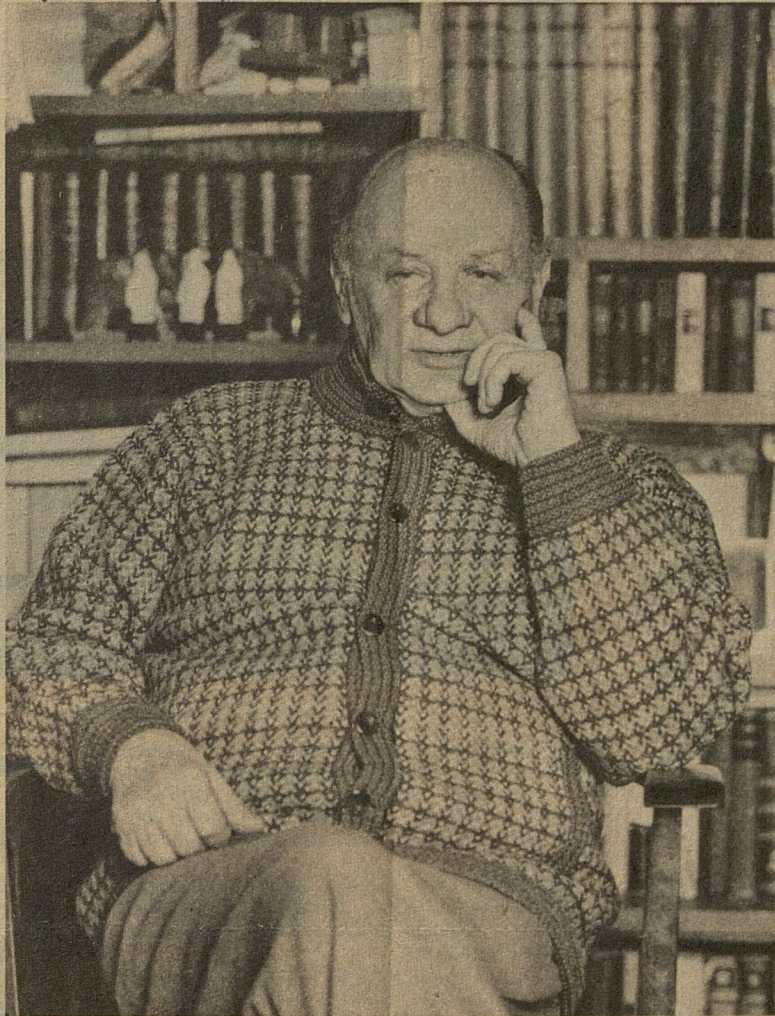
Нечасто встретишь писателя, столь верного раз избранному герою, сделавшего его нарицательным. Когда-то «розовские мальчики» свежим весенним ветром ворвались в искусство и обосновались в нем прочно, надолго. Шли годы, театр Розова вырос, в нем появлялись иные герои и темы. Мальчики уже ютились в эпизодах, казались необязательными по сюжету, но все же из пьес не исчезали. Расстаться с ними Розов не мог: они нужны были как знак чего-то заветного, важного, перед чем держит ответ идущая мимо жизнь. А с конца 70-х они вновь прорвались вперед, захватили линию боя, вернули былое первенство.

Самоповторов здесь нет. Мальчики и их судьбы разные. Розов с неукоснительной точностью отмечал, как веки времени, перемены в любимых героях. Светлые весенние тона первых пьес сменялись все большей сложностью и драматизмом, приобретаю в конце концов напряженно трагическое звучание. Но близость, родство оставались, как природная общность типа.

Герои эти были все теми же «русскими мальчиками» с их «вековыми» и мировыми вопросами, о которых некогда писал Достоевский. Задачи их трудны и благородны: оценка мира, в котором им предстоит жить, бескомпромиссным и чистым взглядом; борьба за справедливость, пусть даже и в анархической форме. Порыв к подлинности, к натуральному человеку, не скрытому за титулами и должностями: «...разве это важно, кем я буду? Каким буду — вот главное!». Нерасчетливая готовность взять на себя все — со времени Бориса Бороzdина из «Вечно живых», идущего на фронт добровольцем: «Если я честный, я должен...».

Так в июле 41-го шел добровольцем в народное ополче-

Необходимый Розов

ние белобилетник, артист. Московского Театра Революции Виктор Розов, чтобы затем в жестоком бою под Вязмой едва не лишиться жизни, а выжив, лишиться первой любимой профессии. Опасное занятие — искать в героях черты жизни и личности автора, но, право же, основания к этому есть («...профессора русские весьма часто у нас теперь те же русские мальчики», — писал Достоевский).

Маститого драматурга и профессора Литературного института многое роднит с его мальчиками: пафос справедливости, натура «заступника», жестокая иной раз прямота, воинственная доброта, которая порой заставляет то не рассчитывать силу удара, то неточно выбирать противника, то самому попадать под удар. Непобедимый идеализм «пятидесятника», который теперешним скептическим мальчикам может показаться наивным, и был бы таким, если бы не розовское, мудрое и широкое, понимание и приятие жизни. Наконец, душевная молодость,

которая то ли выражена в приверженности к юным героям, то ли обеспечена ею — вероятно, все разом.

Это первое, но не единственное объяснение его жизнестойкости. Другое (и главное, может быть) сам Розов определил как «удивление перед жизнью». «Я счастливый человек» — так названа одна из глав его книги «Путешествие в разные стороны». Эти слова, как заклинание, Розов любит повторять постоянно, без всякой позы, с искренним желанием убедить. Умение быть счастливым человек обычно носит в себе, как талант, но у наших «пятидесятников» он еще и развит судьбой, привнесшей им особый вкус к жизни. Розову дороги любые ее проявления, будь то природа, искусство, экзотика дальних стран или быт коммуналки в бывшем Зачатьевском монастыре (Зачмоне), где ему, бедному и неунывающему, некогда досталась комната-келья, воспринятая как дар судьбы.

В книге Розова часто звучит мотив благодарности — за дет-

ство, голодное, трудное, но «внутри» прекрасной природы; за то, что выжил в войну; за каждую каплю радости и встреченного в жизни добра; за собственную семью, дружную и немалую; даже за то, что он стал современником великих открытий. Иногда кажется, что и свою писательскую судьбу Розов воспринимает как некий счастливый случай, но тут уж явная ошибка. Писательство было предопределено ему изначально — недаром он сочинял свои сценки, скетчи, первую инсценировку, еще будучи актером. Теперь уже написано столько и так, что нельзя обмануться. Да и сама психология розовского восприятия мира с его любопытством, зоркостью, бесстрашием перед страшным, жадным интересом к каждому человеку, от великой Бабановой до случайной соседки по Зачмону, с умением перевоплотиться или высказать, выкрикнуть нечто сокровенное и свое характерна для писателя — драматурга, прозаика, публициста.

Нераздельность этих начал в Розове не всегда хотят понимать, видя в нем лишь драматурга и как бы прощая иное. У нас вообще любят в поисках определенности что-то выравнивать или сужать, ища истоки и особенности художника в чем-либо одном, без нюансов, сложности и противоречий. Розовское литературное происхождение обычно ведут от Островского, все объясняя этим: земную основу и морализм его пьес, и круг простых, исконных идеалов, и подпочвенную народность, в городских историях не слишком ощутимую, но вдруг вышедшую на поверхность в народной драме «В день свадьбы». Все так, но с тем же успехом можно сказать, что морализм, порой теснящий теплую жизненность пьес, но и неотъемлемый от них, идет от Горького или Л. Толстого. Что резкая, открытая пристрастность Розова — от Достоевского. Что самое доверие к будням, обычным людям и простым судьбам — от Чехова.

У Розова, как у многих современных писателей, генезис сложен, природа наследования и сами законы его иные. Сейчас, как правило, наследуют сумму, целый комплекс традиций, пришедших из глубины русской культуры. Так Розов воспринял те свойства, что стали у нее родовыми, будь то жизненность как первый закон творчества или совесть как первый закон творца.

Современно ведь не только актуальное, но и вечное, чего мы в рядом живущих, как в Розове, не всегда замечаем.

Сфера розовского в культуре и в жизни сегодня обширна. Это театр Розова, за десятилетия им прочно выстроенный, и весь мир его образов и идей. Это и режиссеры, сформировавшиеся на постановках его пьес, как А. Эфрос и О. Ефремов, и театры, в которых, как в «Современнике», есть «ген» розовского; наконец, актерская громада России, переигравшая десятки ролей в его пьесах. Это розовские наследники, пусть не учившиеся у него, как А. Казанцев, или ученики, на него непохожие, как Н. Сакур.

Это более всего он сам, современный и своевременный человек, не меняющийся на всех выражах своей долгой судьбы, надежный, доступный, открытый любой аудитории — актерской, академической или детской. Необходимый и нестареющий Виктор Розов...

Т. ШАХ-АЗИЗОВА.